

ский поэтому получает формальную независимость от веры; философия отделается и высвобождается из под власти теологии. Пусть слаб человеческий разум — но то, что он познает, он познает сам, самостоятельно, *suu sponte*, в силу ему Богом дарованных способностей и свойств. Пусть несовершенно чувственное восприятие и рационально-абстрактное познание — это единственный вид знания, присущий телесно-духовному существу.

Понятно каким переворотом в мироощущении средневековья явилось учение св. Фомы: не в рецепции Аристотеля роль Аквината, а в том, что он дал этому новому самосознанию человека блестящее и законченное выражение. И поэтому очень глубоким мне кажется парадоксальное на первый взгляд утверждение проф. Жильсона, что *новая философия* должна признать своим отцом св. Фому Аквинского, ибо впервые в христианском мире была им провозглашена автономия философии и автономия человеческого разума. Хотя и сравнительно краткая, книга Жильсона является одним из самых полных и точных изложений томизма, существующих в современной литературе. Мы не будем входить в критику положений автора —

в краткой заметке это, конечно, невозможно. Нам кажется все же, что Жильсон быть может переоценивает роль св. Фомы и приписывает ему слишком большую оригинальность. Огромное историческое значение св. Фомы, его неподражаемый систематический талант, несравненная ясность изложения и мысли — безспорны. Но не следует упускать из виду, что все почти основные положения его учения уже до него были разработаны арабской и еврейской философией. Аверроес и Маймонид уже до Фомы выразили новое отношение человека к Богу и миру; задолго до Фомы были разработаны и все его доказательства бытия Божия Александром Афродизийским и св. Ансельмом; быть может преувеличивает проф. Жильсон и систематическое единство учения и его независимость от положений *данных святому Фоме* гугушдийской веры. Личность Фомы Аквинского была глубже его учения, и быть может лучше всего выразилась не в том, что он написал *Summa'y Theologiae*, а в том, что он, не вникая мольбам учеников, не закончил труда своей жизни. Ибо все это — так сказал за несколько месяцев до своей смерти св. Фома, указывая на груды рукописей — *sunt mihi ut pallea*.

H. Bergson. LE TEMPS ET LA DURÉE (XVIII+241)

2 éd. 1925. Paris, F. Alcan. 1922.

Среди многочисленных работ, посвященных философии и не философии изложению и критике теории относительности, небольшая книга Бергсона, занимает выдающееся место. Значение ее не только в том, что знаменитый философ определяет в ней свое отношение к этой, революционировавшей научное мышление последних лет теории; не только в том, что по поводу теории относительности он часто дает более ясную и точную — может быть даже отчасти и модифицированную — формулировку собственных воззрений на

природу пространства и времени по главным образом в том, что не останавливаясь на формулах на внешней, парадоксальной стороне доктрины, он пытается *получить* ее философское значение и смысл.

Казалось бы эта задача является первой и основной задачей философа, желающего разобраться в той серии проблем, которые подняты — или вновь поставлены на очередь теорией относительности; в действительности однако, большинство из писавших по данному вопросу ограничивается или поверхностно

критикой плохо понятых положений, или критикой, а часто и просто изложением той — очень паншюй и сумбурной — философии, которую и сам творец теории, а, главным образом, его последователи и ученики формулируют по поводу теории относительности, незаконным образом, смешивая ее с сей последней; или же пытаются доказать, что плохо или хорошо понятая теория относительности согласуется или по крайней мере не противоречит их собственной философии — будь то позитивизм или неокантианство. Бергсон является одним из немногих пытающихся понять *философский смысл* и философское значение теории, хотя, конечно, и он пытается применить к анализу теории относительности данные и методы его общего анализа научного познания и научной действительности.

Мы не станем утверждать, что Бергсону вполне удалась его попытка. Нам кажется, что коренная ошибка его заключается в том, что он ограничился анализом так называемой *частной* теории относительности, не обратив внимания на то, что частная теория относительности далеко уже заменена *общей*, что самый смысл ее вполне раскрывается только при анализе этой последней.

Неожиданным и, может быть, даже парадоксальным может показаться тот факт, что в данной работе Бергсон выступает определенным и решительным сторонником идеи *единого* реального пространства и *единого* реального времени, общаго для всей мировой действительности. Быть может это и не является новшеством в его учении — так, по крайней мере, заявляет он сам, ссылаясь на предисловие к *творческой эволюции* — во всяком случае, никогда до сих пор он с такой решительной определенностью этого не высказывал.

По мнению Бергсона — и совершенно правильному, как нам кажется — теория относительности не только не разрушает

этого представления о едином времени и едином пространстве, но, наоборот, предполагает его на каждом шагу, непонятна и немисима без этого предположения. И вообще — теория относительности, не только не имеет ничего общего с какой-либо стносительностью в философском смысле, но и является в действительности теорией глубоко абсолютистской, прямой наследницей и завершением картезианского учения. Об абсолютном значении пространственных измерений, попыткой реализации мечты Декарта *de reductione physicae ad geometriam*, являющейся по мнению Бергсона, выражением истинного смысла и истинной сущности научного познания.

Блестящий анализ роли пространственных представлений в науке мало, впрочем, прибавляющий к тому, что уже было дано Бергсоном в его предыдущих трудах, сравнение с динамической физикой Ньютона, позволяют ему прецизировать свою мысль. Действительно, для Ньютона только пространственные измерения, сделанные с точки зрения абсолютно неподвижного, шемирового, божественного наблюдателя могли претендовать на абсолютное значение. Все прочие, человеческие, земные наблюдения могли дать лишь относительные величины, могли претендовать лишь на относительное значение. И можно сказать, что весь вековой спор об относительном и абсолютном движении сводится в конечном анализе к безнадежной попытке выбрать из тисков дилеммы: абсолютной необходимости иметь абсолютно неподвижную точку зрения, точку О системы координат и абсолютной же невозможностью определить такую.

Уничтожая необходимость этого абсолютного начала координат, провозглашая абсолютную эквивалентность всех систем координат, теория относительности делает последний шаг на длинном пути освобождения пространства — от Аристотеля до Эйн-

штейна. Уничтожением необходимости (идеальной) относить все измерения к точке зрения божественного наблюдателя теория относительности не только не релятивизирует *всех* наших измерений и наблюдений, но, наоборот, *всем* им дает абсолютное значение. Оставаясь инвариантными при всех изменениях системы координат, они тем самым являются абсолютными. Теория относительности, таким образом, не разрушает, а, наоборот, доводит до своего логического завершения идею абсолютного времени и абсолютного пространства. Каким-же образом совместить с толкованием Бергсона обычные, с такой любовью и гордостью излагаемые физиками и философами-релятивистами, парадоксы, якобы следующие из теории относительности, о сокращении тел, о замедлении течения времени и т. д., долженствующие, по их мнению, показать непригодность и неприменимость «старого» понятия о времени, необходимость заменить его «новым».

По мнению Бергсона все эти парадоксы кактусиены. Все они основаны на смешении реального времени реального физика с воображаемым временем фиктивного лица. Все они основаны на незаконной и неуправляемой реализации фикции. Часть книги, где Бергсон анализирует и объясняет парадоксы теории относительности является самой блестящей и интересной частью работы. С необычайным искусством, следуя своему обычному методу постоянной постановки под формулы скрывающегося за ними содержания, ему удалось шаг за шагом построить теорию частной относительности, вывести ее главные формулы, ни разу не прибегая к методам математической дедукции, всюду выясняя их реальный, физический смысл, всюду анализируя процесс мысли мыслящего и выводящего их физика. Вот вкратце результат к которому он приходит: реальный, *hic et nunc* находящийся физик А, производящий свои измерения в реальном (для него) времени

и пространстве, строит фикцию движущегося по отношению к нему, являющемуся для самого себя неподвижным, другого физика А', фиктивное время и фиктивное пространство, которого он и может по своему желанию (т.е. согласно формулам) «растягивать» и «сжимать». Но стоит ему — или нам — отождествить себя реально с этим фиктивным лицом, как «растянутое» или «сжатое» время и пространство сожмутся или растянутся и станут совершенно тождественными тому времени и пространству, которое было его. Весь смысл теории относительности именно в том и состоит, что она позволяет нам утверждать с полной уверенностью, что реальное пространство и реальное время реального физика А' вполне тождественно А, есть то же самое Т; фиктивный же характер Т' (приписываемого нами фиктивному А') в достаточной мере явствует из того, то его «растянутое» время «заволнено» теми же самыми «собитиями», что и наше, и что в (фиктивный) интервал между Т и Т' невозможно «поместить» ни одного нового факта. Все парадоксы объясняются непониманием во внимание фиктивного характера Т', приписыванием реальности этому вспомогательному построению мысли.

Не место, конечно, в краткой заметке давать критику замечательной книги Бергсона — мы указали выше на основную, по нашему мнению, его ошибку. Ключ к философскому истолкованию теории относительности лежит в *общей теории относительности*, в новом учении не о времени, а о пространстве. Бергсон прав сближая теорию относительности с картезианским пангеометризмом, но столь же закономерно сближение ее с учением Лейбница, ибо согласно Эйнштейну, Эддингтону и Вейлю, находящиеся в мире тела *изменяют структуру пространства*, давая ему ту или иную определенную кривизну. Правда, с другой стороны, и сами тела являются лишь «мортинами» в

моллюскообразном» пространстве. В этой двойственности и лежит особенность и философская значительность теории относительности; но рассмотрение этого вопроса слишком далеко введет бы нас.

Отметим, что Бергсон не уяснил себе в полной мере двойственной роли света в разбираемой им частной теории относительности. Он не заметил, что будучи мировой константой и конституирующим природу формально онтологическим моментом, свет в то же время является реальным процессом этой природы; поэтому нельзя, как это делает

Бергсон, отрицать *реальных*, утверждаемых теорией относительности, изменений, вызываемых в телах движением системы, к которой они принадлежат. Пусть эта двойственная роль света противоречива и парадоксальна, но под предлогом освобождения теории от противоречий и парадоксов, нельзя упускать из виду реализма свойственного теории относительности, как и всякой физической теории. В недостаточном понимании этого, в чрезмерном офилософствовании теории — основная ошибка Бергсона.

А. Койрэ

ПО АЗИИ

(Факты и мысли)

Genitrix gentium...

***

J. Castagné. Les Basma-
chis, Paris, Leroux, 1925. —
Leut. Col. P. T. Ether-ton
in the heart of Asia, London,
Constable & Cr. Ltd, 1925. —
As mis. Als Wirtschaftspionier
in Russisch-Asien, Berlin, Stilke,
1924. — Ella R. Christie.
Through Khiva to Golden Samar-
cand, London, Seeley, 1925. —
F. Goetel. Kar-Chat; Patnik
Karapeta; Ludzkosc; Warszawa,
1922, 1923, 1924.

***

Пути и перепутья Азии, сливающиеся и скрещивающиеся с путями России, должны быть измерены в наших верстах; осознаны в русской евразийской мере и устремлении. Мерно идут мягкими ступнями степенные бактрийские верблюды, мохнатые, двугорбые, важные, задумавшиеся. По извивающемуся и теряющемуся в пыли горизонता степному тракту несется почтовая тройка. Убегают в даль рельсы-скрепы, от густо населенных русских промышленных областей на азиатский простор. Нахлопали лопасти парохода там, где нырял среди волн челн

туземца. Медленно, потом скорее, все более быстрым темпом (перелеты: Москва-Пекин, через пустыню Гоби; Ташкент-Кабул через хребет Гиндукуш, «Индуса убивающий») устанавливается русско-азиатский обмен, оборот. В свой круговорот, вместе с людьми и товарами, он втягивает идеи, вводит новые понятия, создает потребности, возбуждает любознательность.

Мир стал похож на голову всклокоченного негра, говорил Саади, персидский поэт, побывавший в плену у крестоносцев. Взволнованная войной и революцией азиатская стихия опять расколохалась; мы находимся лицом к лицу с массами, утерявшими равновесие, и в направлении их скольжения. Если суждено быть обвалу, то следует, чтобы он не стал препятствием на наших азиатских путях. Будем чутки и зорки. Встреть на дальних путях не должны быть занесенцы обвалом.

Это вовсе не перепев пресловутого — народы Европы, берегите свои священные блага. Не жест недоверия, но протянутая рука. Мы не противопоставляем себя Азии; мы сознаем себя в ней самой во многом; мы хотим соразмерить наши чаяния с ее